

Янь Фэйду, прочитав письмо, лишь вздохнул — приятель явно запоздал. Учитывая вспыльчивый и нетерпеливый нрав этого человека, тот вполне мог свалиться на голову ещё с утра.

Впрочем, за последние годы Янь Фэйду столько раз оставлял его в дураках, что гость усвоил урок: теперь он просто ставил перед фактом, избегая любых расспросов, дабы снова не быть обманутым.

Для самого же Янь Фэйду первым делом стояла задача вывести яд.

А когда там появится этот сотоварищ — его личные заботы.

Испугать или переполошить Янь Фэйду было невозможно.

— На днях ко мне может заглянуть старый знакомый, — предупредил он Хан Цзянсюэ. — Облик его... хм, он часто меняет личины, так что описать трудно. Что до одежды... порою он бродит едва ли не голышом. Если увидишь у ворот кого-то, кто выглядит как законченный безумец, это, скорее всего, он.

Маленький кролик хлопал глазами в полном недоумении:

— Звучит так, будто он какой-то извращенец.

Янь Фэйду усмехнулся:

— Искренние мысли лучше держать при себе.

Когда Бессмертный ушёл в уединение, Хан Цзянсюэ призадумался.

«Если у Бессмертного друг — извращенец, то и сам Бессмертный, получается...»

Усвоив урок, кролик решил оставить эти глубокомысленные выводы при себе.

Шли дни. Хан Цзянсюэ усердно махал мечом, уминалстряпню и отсыпался, и так круг за кругом. Однако обещанный извращенец... то есть, друг Бессмертного, всё никак не появлялся.

Зайчонок застыл на пороге, упершись передними лапками в косяк, и пытливо всматривался вдаль.

«Может, передумал? Или заблудился по дороге?»

Заметив проходящую мимо марионетку с духовным сосудом, Хан Цзянсюэ ловко взобрался на неё и даже откинул деревянную крышку у неё на животе — проверить, не спрятался ли гость внутри.

Марионетка только молча замерла.

Убедившись, что там пусто, Хан Цзянсюэ поплёлся к покоям Янь Фэйду и уселся неподалёку.

Уже несколько дней Бессмертный не покидал своей обители. Кролику без него стало совсем одиноко.

Но Янь Фэйду, будто предвидя подобное, на следующее же утро прислал ему компанию — деревянного зайца, размером точь-в-точь с самого Хан Цзянсюэ.

В лапках у деревянного гостя замер крошечный учебный меч. Не успел Хан Цзянсюэ опомниться, как марионетка с ходу бросилась в атаку — прямо на зайчонка, увлечённо уминавшего лепёшку!

Так и пришлось отражать удары: в зубах лепёшка, в лапе — деревянный клинок!

Вскоре дворик заполнился звонким стуком деревянного фехтования. К своему изумлению, Хан Цзянсюэ узнал в выпадах соперника те самые фехтовальные приёмы, которым его учил Янь Фэйду!

Впрочем... Хан Цзянсюэ хитро ухмыльнулся и выгадал момент.

Клик!

Один точный удар — и мечик марионетки полетел в сторону, а сам зайчонок аккуратно расправился с последним кусочком лепёшки!

— А я неплохо дерусь! — Хан Цзянсюэ сжал кулачки и изо всех сил напруг лапку, пытаясь выдавить хоть какой-то бицепс.

Две наблюдавшие за поединком хомячихи никаких мышц на пушистой лапке не разглядели, но всё равно восторженно запищали и забили в ладоши. Что бы ни вытворял их предводитель — аплодисменты положены по праву!

Не успел Хан Цзянсюэ похвастаться ещё пару минут, как побеждённый деревянный заяц извлёк из своего чрева запасной клинок. Со скрипом и зубчатым скрежетом его деревянное тело на глазах стало раздаваться вширь и ввысь, превратившись из крошечного зайчика в машину размером с хорошего пса!

Хан Цзянсюэ ахнул от неожиданности, но деревянный соперник уже снова пошёл в атаку. Пришлось вскинуть меч. В миг скрещения клинков зайчонок ощутил, насколько мощнее и тяжелее стал удар!

К ним неторопливо приблизилась марионетка с духовным сосудом. В одной руке она держала поднос, а другой развернула свиток.

На бумаге размашистым, хищным почерком Янь Фэйду было выведено:

«Это испытательная боевая марионетка. Победишь её — она увеличится в размерах.»

«Когда сможешь одолеть куклу величиной со взрослого человека, приступишь к новым приёмам.»

«Устанешь — отдохни и перекуси.»

Улучив секунду между выпадами, Хан Цзянсюэ скользнул взглядом по подносу. Там и впрямь красовалась пиала с молочной сладостью из коричневого дерева и пиала со сладким отваром из маша.

— Бессмертный! Я буду стараться! Хе-хе, да я её сегодня же одолею, а потом уже за угощение возьмусь! — заявило упрямое создание, рассчитывая на лёгкую прогулку.

Спустя время, равное горению одной палочки благовоний...

Испытательная кукла бесцеремонно сгребла упирающегося зайца за передние лапы и усадила на деревянный настил галереи.

Хан Цзянсюэ издал жалобный писк и бессильно растекся по полу пушистой лепёшкой.

— Ох-х... Ладно, пожалуй, сначала я всё-таки перекушу.

Даже не меняя положения тела, он лишь повёл головой и сцапал зубами кусочек молочного лакомства.

Сладость оказалась приятно теплой — всё как он любил.

«И как Бессмертный угадал, что именно сейчас я проиграю и захочу поесть?»

Вникать в эту загадку Хан Цзянсюэ не стал. Стоило ему слегка приоткрыть рот, как подскочившие хомяки тут же поднесли ложку и заботливо напоили его сладким отваром из

маша.

Подкрепившись умопомрачительно вкусным угощением, зайчонок ощутил, как по телу разливается приятная нега и тепло.

— Ты у меня ещё получишь! Я сейчас же вернусь! — Хан Цзянсюэ потряс пушистым кулачком перед ждавшей неподалёку марионеткой.

Деревянный заяц ошибочно принял этот жест за призыв к бою и недолго думая сгрёб зайчонка за загривок.

Хан Цзянсюэ заболтал лапками в воздухе и заверещал:

— Пстой, пстой! Я ещё не готов!

С этого момента в поместье не затихали стук, гвалт и треск — ни днём, ни ночью.

И вот, потирая отбитый задок, Хан Цзянсюэ снова улёгся на галерее.

Но на сей раз — это была передышка победителя!

Его противник вырос от размера с ладонь до размеров собаки, затем — до упитанного барашка, а под конец раздался до настоящего быка!

И Хан Цзянсюэ одолел их всех!

Зайчонок ещё долго победоносно ухмылялся, а затем с пренебрежительным видом отряхнул лапкой невидимую пыль с шубки, ожидая, когда марионетка трансформируется в следующий раз.

Однако деревянный заяц больше не менял обличья. Вместо этого он взял топор и неторопливо ушёл на край двора раскалывать дрова.

Хан Цзянсюэ обомлел:

— Эй, мы что, больше не дерёмся? Ты что, испугался?! Ну-ка давай, становись ещё больше, размером с человека!

Зайчонок подбежал к кукле и принялся тормошить её за деревянную голень. Но та лишь методично махала топором, даже не удостоив его взглядом.

Хан Цзянсюэ окончательно растерялся. Если кукла отказывается расти, где же ему найти соперника размером с человека?

К вечеру у зайчонка от расстройства даже аппетит пропал.

Смолов целую пиалу лапши с грибным бульоном, тарелку хрустящих побегов бамбука в остром масле и пару тыквенных лепёшек, Хан Цзянсюэ погладил округлившийся животик и вздохнул: наелся от силы процентов на восемьдесят.

Какая досада! А ведь обычно он наедался до отвала.

Он вышел во двор. Деревянный заяц, закончив с дровами, теперь усердно драил деревянный пол, окончательно превратившись из боевого тренажёра в обычного слугу.

Хан Цзянсюэ замер в нерешительности. Пойти спросить у Янь Фэйду? Но тревожить Бессмертного не хотелось. Вдруг от его крика у того сойдёт дыхание, и вся отравы впитается обратно?

Пока зайчонок предавался сомнениям, с улицы донёсся странный гул.

Звук приближался — не то глубокий бой ночного колотушечника, объявляющего глухую полночь, не то грохот литавр перед началом представления в балагане.

Прижав уши, Хан Цзянсюэ кликнул марионетку с духовным сосудом.

Кукла подошла к садовой стене, и зайчонок в два счёта взобрался ей на голову. Навострив уши и выставив наружу любопытную мордочку, он стал разглядывать то, что происходило снаружи.

Он ведь обещал Бессмертному не выходить за порог? Ну так он и не выходит, просто смотрит!

Гул раздался совсем близко. Вглядевшись в непроглядный мрак, Хан Цзянсюэ увидел алый поток.

Один, два, три... ровно двенадцать ярко-красных фонарей, словно блуждающие огоньки, неторопливо плыли сквозь тьму.

Несли эти фонари вовсе не люди.

Их фигуры были облачены в развевающиеся парчовые одежды с золотым шитьём, но когда свет озарил их лица, стало ясно: перед ним бумажные куклы.

Обычно подобная атрибутика навеивает тоску и страх, напоминая о похоронах и смерти.

Но эти двенадцать бумажных фигур двигались плавно, словно скользя над землёй, и ничуть не пугали.

Среди них были фигуры небесных дев, добродушный свиноподобный демон с трезубцем, оранжевый енот, утончённые молодые господа, знатные барышни, а также актёры в театральном гриме.

Вслед за ними без единого музыканта плыла сама музыка: звенели бубны, рокотали барабаны, пела суона и плакала эрху, воссоздавая пёструю, шумящую атмосферу людского праздника.

Бумажный персонаж в маске обезьяны под бой барабанов подхватил полы одежд и выступил вперёд, затянув звонким тенором:

— «Нынче весна цветёт во всей красе! В горах буйство трав, бабочки кружат в плясе!»

— «Но стоит ступить сюда — вокруг снега да лёд, мороз лютует!»

— «Диво дивное, странно-то как!»

— «Что за край такой небывалый?»

— «Неведомо нам, неведомо!»

— «Эй! Верно, засела тут нечисть проклятая, бесы да демоны! Исказили небесный порядок, довели народ до стенаний!»

— «Левый чиновник! Правый генерал! Выходи со мной, сокрушим супостатов!»

Актёр-обезьяна взмахнул руками, и следом за ним выступили две бумажные фигуры с фонарями: одна с веером, другая с тяжёлым молотом.

Ох, ну и вид у них был грозный!

Хан Цзянсюэ аж дыхание затаил, вытянувшись на цыпочках прямо на заборе.

Обезьяний актёришка тут же с места скрутил с сотню кульбитов подряд — да с такой ловкостью, что у зайчонка рот раскрылся от изумления.

Будь это на обычной ярмарке, зрители давно забросали бы подмости монетами!

Но бумажный артист медяков не просил. Завершив каскад трюков, он обернулся к своим спутникам.

Левый чиновник выступил вперёд, чеканя шаги, словно даос, чертящий созвездие Большой Медведицы, и взмахнул веером, кастуя заклинание.

А правый генерал обрушил вниз молот, исполнив ровно восемнадцать сокрушительных ударов — да так, что снежная крупа взвилась вихрем! Где бы ни пряталась нечисть, ей не укрыться от возмездия!

И в следующий миг Хан Цзянсюэ едва не закричал от неожиданности.

Под ногами обезьяньего актёра вспыхнул магический круг, а тяжёлый молот генерала со всего маху обрушился прямо ему на голову!

— «Ой-ой-ой! За что?! За что меня разите?!» — запричитал скованный чарами актёр. — «Верные слуги, за что убиваете меня?!»

Чиновник снова взмахнул веером, и на нём распустился пламенный лотос.

— «Сам не ведаешь?! Ах ты, тварь нечестивая! Заманил нас сюда, чтобы уморить!»

— «Мы заранее провидели — ты одержим злым духом!»

Огненный лотос упал в центр формации, и обезьяний актёр, не успев даже испустить последний вопль, в мгновение ока обратился в пепел!

Хан Цзянсюэ онемел от изумления.

Не успел он прийти в себя, как чутьё заставило его отпрыгнуть в сторону.

На том самом месте, где он только что стоял, выросла фигура мужчины в точно такой же маске обезьяны.

Только... на сей раз это был вовсе не бумажный муляж.

Хан Цзянсюэ чётко видел: незнакомец стоит на земле, а от его тела падала отчётливая живая тень.

Человек из плоти и крови.

— Ой-ой? Откуда тут взялся такой кролик? — раздался лукавый голос. — Неужто сбежал среди ночи, чтобы тайком послушать представление? Моя опера стоит дорого. Есть чем заплатить? А если нет... то вытягивай лапки, я их разом смусолю и проглочу!

С этими словами человек вынул из рукава складной веер. Обмахнувшись им, словно от жары, он небрежно скинул верхнее одеяние, оставшись в одних штанах с голым торсом, и с хохотом шагнул к Хан Цзянсюэ.

<http://bllate.org/book/20471/2132160>